

УДК 330.342.24

Жернов Евгений Евгеньевич, заведующий кафедрой экономики,
к.э.н., доцент
(КузГТУ, г. Кемерово)
Zhernov Evgeny, head of the department of economics,
candidate of sc. (economics), associate professor
(KuzSTU, Kemerovo)

**МОДЕЛИ РЕСУРСНО-ОБЕСПЕЧЕННОЙ И РЕНТНО-СЫРЬЕВОЙ
ЭКОНОМИК КАК БАЗЫ ЭКОНОМИКИ ИННОВАЦИЙ****MODELS OF RESOURCE-SECURED AND RENTAL-COMMODITY
ECONOMIES AS THE BASIS OF INNOVATIVE ECONOMY**

В работе сравниваются модели ресурсно-обеспеченной и рентно-сырьевой экономик для выбора базы экономики инноваций на примере Кузбасса – важного горнодобывающего региона России.

The study compares the models of resource-secured and rental-commodity economies for choosing the base of the innovative economy using the example of Kuzbass, an important mining region of Russia.

Ведущий вид экономической деятельности Кемеровской области – добыча угля, поэтому развитие всей экономики здесь непосредственно определяется уровнем развития угледобывающей отрасли, то есть экономика Кузбасса в значительной степени является монопрофильной, что во многом определяет ее проблемы. Среди ключевых задач по направлению «развитие экономики» стратегического развития Кемеровской области – диверсификация экономики, снижение зависимости от добычи полезных ископаемых [11, с. 77]. Это означает переход в перспективе от модели ресурсно-сырьевой экономики к экономике инноваций, экономике знаний.

За исходное методологическое положение в отношении базовой роли моделей ресурсно-обеспеченной и рентно-сырьевой экономик для экономики инноваций примем следующее положение В.Т. Рязанова: «Сырьевая экономика может иметь два значения. Первое из них предполагает, что национальная экономика является ресурсно обеспеченной» [10, с. 401].

Россия в своих ресурсодобывающих регионах обладает практически всеми видами запасов минерального и углеводородного сырья, что в комплексе обеспечивает ей сырьевую безопасность и экономический суверенитет: производство подавляющей части энергии, 90% продукции тяжелой индустрии, 20% всех предметов потребления [9]. Ресурсный потенциал страны в отличие от большинства ресурсно-обеспеченных государств ха-

рактикуется уникальным многообразием: будучи основной горнодобывающей державой мира, Россия получает от экспорта минерального сырья около 40% валютных поступлений, в т. ч. 1/3 приходится на топливно-энергетические ресурсы [9].

Основой российского экспорта в январе–июле 2017 года в страны дальнего зарубежья традиционно являлись топливно-энергетические товары, удельный вес которых в товарной структуре экспорта в эти страны составил 66,6% (в январе-июле 2016 года – 62,4%). По сравнению с январем-июлем 2016 года стоимостный объем топливно-энергетических товаров возрос на 34,9%, а физический – на 3,7%.

Среди товаров топливно-энергетического комплекса возросли физические объемы экспорта угля каменного на 10,7% [12]. По разведанным запасам угля (более 200 млрд. т с практически равными долями бурых и каменных углей) Россия занимает 3-е место в мире. Среди главных угленосных бассейнов – Кузнецкий [9]. С точки зрения обеспеченности природными ресурсами теоретически Россия может развиваться с опорой на самодостаточную модель экономического роста [10, с. 407–408].

Для раскрытия роли сырьевой ресурсной экономики в переходе к инновационной экономике, принципиально важно и второе ее значение, выделенное В.Т. Рязановым, – когда экономика приобретает рентно-сырьевой характер. Последнее означает, что добывающий сектор занимает значительное место в структуре народного хозяйства по его доли в производстве ВВП, экспорте продукции, формировании доходов государственного бюджета, обеспечении занятости и т.п. При этом основным источником добавленной стоимости становится так называемая горная рента – рента, создаваемая в отраслях добывающей промышленности.

Страны с рентно-сырьевой экономической моделью отличаются от ресурсно-обеспеченных стран не только преобладанием сырьевого сектора в структуре народного хозяйства, но и следующими признаками.

Во-первых, рентной экономике свойственна значительная, а в определенных ситуациях и основная, роль рентных доходов по сравнению с другими видами доходов, создаваемых в стране.

Во-вторых, для такой модели экономики характерна высокая зависимость социально-экономического развития страны от функционирования сырьевого сектора. Это обусловлено влиянием как внутренних, так и внешних обстоятельств, связанных с конъюнктурой на мировых рынках сырья. Причем на современном этапе – этапе глобализации – влияние внешних факторов становится определяющим [10, с. 409].

Сравнение по основным отличительным признакам стран с моделями ресурсно-обеспеченной и рентно-сырьевой экономик приведено в таблице.

Таблица

Сравнение стран с рентно-сырьевой экономической моделью
и ресурсно-обеспеченных стран

№ п/п	Признак сравнения	Страна с рентно-сырьевой экономикой	Ресурсно-обеспеченная страна
1.	Место добывающего сектора в структуре национального хозяйства	Значительное или доминирующее	Существенное, достаточное для общего развития
2.	Основной источник добавленной стоимости	Рента, создаваемая в отраслях добывающей промышленности	Рента, создаваемая в отраслях добывающей и обрабатывающей промышленности
3.	Роль сырьевых рентных доходов в сопоставлении с другими видами доходов	Значительная или основная	Существенная, достаточная для общего развития
4.	Зависимость социально-экономического развития страны от функционирования сырьевого сектора	Высокая с учетом и внутренних, и внешних обстоятельств	Существенная, достаточная для общего развития
5.	Удельный вес сырьевых компаний в капитализации фондового рынка	Выше 75%	Ниже 75%
6.	Сфера использования доходов от добычи и продажи минерально-сырьевых ресурсов	«Докапитализация» убыточных проектов, банков и структур	Социализация экономики инноваций (знаний)
7.	Собственность на природные ресурсы	Преимущественно частная	Преимущественно государственная

Составлено автором по [10], кроме п. 6.

Представляется, что в рассматриваемом контексте приведенную выше методологию странового уровня можно с известными допущениями распространить на региональный уровень. Так, к примеру, экономика Кемеровской области – одна из наиболее развитых среди регионов и СФО и Российской Федерации. «При этом структура валового регионального про-

дукта области ярко отражает сырьевую направленность экономики: наибольший удельный вес занимает добыча угля (32,8%)» [11, с. 23].

Существенным преимуществом экономики России в отличие от большинства рентных экономик является наличие у нее индустриального потенциала [3]. Причем этот потенциал имеют и ресурсодобывающие регионы страны. В структуре экономики Кемеровской области «преобладают отрасли традиционной индустрии, получившие широкое развитие в середине XX века – металлургия (7,7%) и химия (1,6%)» [11, с. 23]. Основу экономики области попрежнему составляет производственный комплекс. «В целом за период 2007–2017 годов объем промышленного производства в сопоставимых ценах увеличился на 18%. Положительная динамика была обеспечена за счет наращивания объемов производства в сфере добычи угля, производства кокса и нефтепродуктов, химических веществ и химических продуктов, машин и оборудования» [11, с. 23].

В тех отраслях машиностроения, в которых Россия может восстановить конкурентоспособность, необходима политика импортозамещения. Так, для Кузбасса как горнодобывающего региона актуальна проблема импортозамещения горно-шахтного оборудования. «Профильной специализацией отрасли, направленной на обеспечение потребностей, в первую очередь, угледобывающих предприятий, является производство горно-шахтного оборудования (68,2% в структуре отгруженной продукции машиностроительной отрасли)» [11, с. 28].

Однако в 2009 и 2013 годах из-за резкого сокращения инвестиционных программ модернизации производства угледобывающих предприятий произошла глубокая «просадка» отрасли в этот период. За последние десять лет были закрыты 6 машиностроительных заводов, в стадии банкротства находятся 3 предприятия. Как следствие, «в 2017 году по отношению к 2007 году суммарный объем экспорта машин и оборудования снизился в 2,6 раза, в то же время импорт возрос в 1,5 раза (по данным Сибирского таможенного управления Федеральной таможенной службы России). Также отмечено усиление в машиностроительной отрасли Кемеровской области направления сервисного обслуживания и ремонта импортного горно-шахтного оборудования. Сформирован комплекс совместных сервисных центров по обслуживанию техники: Комацу (г. Польшаево и Прокопьевский район), Либхерр (г. Ленинск-Кузнецкий), МАЗ (г. Прокопьевск), Камминс (Новокузнецкий район)» [11, с. 28]. Отмеченные факты делают проблематичным импортозамещение машиностроительной продукции в Кузбассе.

Эксперты сходятся во мнении, что рентные признаки экономики России сконцентрировались в двух ключевых сферах – экспортно-сырьевой и государственно-бюджетной. О несостоятельности экспортно-сырьевой модели, основанной на дезинтеграции собственности и технологических цепочек добавленной стоимости, пишет С. Губанов [2]. Для того

чтобы «покончить с деиндустриализацией экономики», автор предлагает соединить добывающую промышленность с обрабатывающими комплексами, особенно машиностроительными. «Основа их организационно-экономического соединения – вертикально интегрированная собственность, а форма – межотраслевые цепочки производства конечной продукции с высоким мультипликатором добавленной стоимости» [2, с. 42]. В этом автор видит первый принципиальный шаг алгоритма перехода от экспортно-сырьевой модели к неоиндустриализации, называя его «стратегической национализацией командных высот экономики». Автор подчеркивает, что такая национализация нужна «ради наращивания отечественного производства продукции конечного спроса с высокой долей добавленной стоимости, на основе прочной и неразрывной связи между добычей и промышленной переработкой сырья, первичных ресурсов... » [2, с. 42]. Мы считаем, что одна из целей здесь – социализация экономики в виде экономики знаний. Неоиндустриализация невозможна без развития науки и инноваций – ядра экономики знаний, что требует активной государственной политики и общих интеллектуальных усилий социума, прежде всего регионального.

Для обоснования перехода к инновационной модели важно то, что доходы от экспорта готовой продукции с высокой долей добавленной стоимости могут распределяться и осваиваться внутри национальной экономики в виде прибыли производителей и заработной платы работников, поскольку формируют совокупный спрос – импульс для дальнейшего развития производства [10]. В отношении же доходов, получаемых от сырьевой продукции, эксперты отмечают, что даже сверхвысокие экспортные доходы в первичной форме представляют собой ренту в виде якобы «избыточной денежной массы». Последняя либо непосредственно остается в руках недропользователей – сырьевых компаний, предпочитающих вывозить ее в оффшоры, либо – через перераспределительный механизм – оказывается в руках государства. Но и она чаще всего перенаправляется частными компаниями и государством в финансовые активы других стран [10, с. 436].

Эксперты также утверждают, что «рентная экономика» трансформировалась в «рентное государство» [5, с. 89–101] и далее в «рентное общество» [4; 7].

Последнее означает, что переход российской экономики к экономике инноваций тормозится недостатком экономической заинтересованности в нем представителей и сырьевого комплекса, и государственного аппарата со сформировавшимися у них рентно-ориентированными менталитетом и поведением. Переломить эту ситуацию, по мнению специалистов, могут:

а) формирование сильных институтов содействия производителям [6];

б) справедливое распределение природной ренты между федеральным центром, ресурсодобывающим регионом и добывающей компанией – примерно по 1/3 по опыту развитых стран [8];

в) создание квазичастного механизма – корпорации со 100%-ным государственным участием, которая, обеспечивая допуск к переданным в ее распоряжение природным ресурсам, изымала бы ренту, как любой частный собственник [1].

Создание системы сильных институтов позволит, по мнению С.А. Яцкого, которое мы разделяем, не только извлекать природную ренту, но и «обеспечивать более справедливую систему ее перераспределения в целях повышения благосостояния всего населения, сокращения социального расслоения общества» [13, с. 54]. Это и есть осуществление социализации экономики знаний за счет социализации природной ренты.

И второе предназначение эффективных институтов перераспределения С.А. Яцкий, как и В.Т. Рязанов, справедливо видит в том, чтобы «направить централизованные ресурсы нефтегазового комплекса [шире, всего природно-сырьевого комплекса. – Е.Ж.] на развитие высокотехнологичных отраслей ОПК, стимулирование производств нового технологического уклада» [13, с. 54], то есть на экономику инноваций (знаний).

Таким образом, из изложенного можно сделать следующие выводы. Ограниченность природных ресурсов и их неравномерное распределение между регионами объективны и естественны. Любой стране и любому региону необходимо совместное существование экономики инноваций (знаний) и сырьевой экономики в соответствии с теорией длинных волн Кондратьева. Переход от сырьевой экономики к экономике инноваций в России имеет особенность – он осуществляется в стране, богатой природными ресурсами, которые пока позволяют извлекать сырьевую ренту без инновационных отраслей промышленности. Это приводит к рентоориентированному поведению экономических субъектов, как компаний, так и ресурсодобывающих регионов. Ключ к решению проблем развития экономики – это взаимодействие между сырьевыми секторами и высокотехнологичными секторами (секторами с убывающей и возрастающей отдачей в пределах одного рынка труда). Продвижение России и ее регионов от сырьевой экономики к экономике инноваций требует системной социально-экономической политики, включающей отраслевой и региональный уровни.

Список литературы

1. Возможна ли стратегия экономического развития России? Обсуждение в президиуме РАН // Вестник РАН. – 2003. – Т. 73. – № 8. – С. 685–688.
2. Губанов С. Основной вызов России: переход от экспортно-сырьевой модели к неиндустриальной // Проблемы теории и практики управления. – 2014. – № 11. – С. 38–45.

3. Гукасян Г.Л. Проблемы управления экономической реформой в странах ССАГПЗ // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – № 5. – С. 290–299.
4. Давыдов Д., Фишман Л. Грядущее рентное общество [Электронный ресурс] // Свободная мысль. – 2015. – № 5. – Режим доступа: <http://svom.info/entry/592-gryadushee-rentnoe-obshestvo/>.
5. Даниленко Л.Н. Рентно-сырьевая модель экономики России и проблемы ее неоиндустриальной трансформации. – М.: Инфра-М, 2016. – 360 с.
6. Казначеев П. Природная рента и экономический рост. Экономическое и институциональное развитие в странах с высокой долей доходов от экспорта сырьевых ресурсов. Анализ и рекомендации на основе международного опыта. Доклад, подготовленный для РАНХиГС. – М.: РАНХиГС, 2013. – 94 с.
7. Левин М., Сатаров Г. Рентоориентированная Россия // Вопросы экономики. – 2014. – № 1. – С. 60–77.
8. Львов Д.С. Реальный курс экономических преобразований // Экономика и математические методы. – 1994. – Т. 30. – С. 11–14.
9. Минеральные ресурсы // Большая российская энциклопедия – электронная версия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/geology/text/3039231>.
10. Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России: монография. – М.: Экономика, 2016. – 695 с.
11. Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области на период до 2035 года. Проект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/f67864f1-500f-4da3-a6b9-2ab5700b5d87/kemerovo.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=f67864f1-500f-4da3-a6b9-2ab5700b5d87>.
12. Экспорт-импорт важнейших товаров за январь-июль 2017 года // Федеральная таможенная служба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=25714:-2017-.
13. Яцкий С.А. Формирование и изъятие нефтегазовой ренты: институциональные аспекты // Вестник Югорского государственного университета. – 2015. – Выпуск 4 (39). – С. 47–54.